

ЧАСТЬ 2. ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

УДК 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-435-450

ФАКТОР АДРЕСАТА В ДИАХРОНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

И.Н. Филиппова

Московский государственный областной университет
Ул. Веры Волошиной, 24, г. Мытищи, Россия, 141014

Целью статьи является анализ трансхронической межъязыковой и межкультурной поэтической коммуникации. Особое внимание уделяется реципиенту, исследуется его значение в диахронном переводе. Анализу подвергаются языковые и культурные аспекты поэтической коммуникации: реалии, историзмы, архаизмы, фразеологизмы, аллюзии. Фактор реципиента активно исследуется в прагмалингвистике, обнаруживающей точки соприкосновения с переводоведением и теорией межкультурной коммуникации. Исследование основано на интегративной методике: использованы дескриптивный, контекстуальный, сравнительный и дискурсивный анализ. В статье раскрывается синергетическая природа реципиента, уникальная по возрастным, гендерным, мировоззренческим, политическим и культурным особенностям; выявлены ситуации когнитивного диссонанса автора и реципиента в условиях одноязычия и в условиях межъязыковой коммуникации. Фактической базой служит роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», написанный почти 200 лет назад и многочисленные переводы, выполненные в разное время (1840—2008 гг.). Изученный эмпирический материал позволяет сделать следующие выводы: множественность переводов в трансхроническом переносе культурного наследия на иностранные языки естественна и неизбежна. Поиск адекватных средств межкультурного перевода поэзии носит трансцендентальный характер. Синкретический характер поэтического знака в диахронии усиливает несоответствие концептуального и тематического содержания знаний реципиента и автора. Это особенно ярко проявляется в условиях трансхронической коммуникации, когда автор и реципиент разделены значительным временным промежутком. Реципиенты исходного языка и реципиенты языка перевода имеют объективные социокультурные различия, которые более очевидны в трансвременной межъязыковой коммуникации. Перечисленные факторы взаимодействуют в сложной синергетической системе, которую невозможно познать и описать в редуктивной лингвистической теории перевода. На основании недостаточности редукционизма лингвистической модели перевода можно ожидать перехода к методологии холизма перевода. Холизм как методологический принцип и философия познания нашел эффективное применение в гуманитарных науках. Его использование в переводе при межкультурной, межъязыковой и трансхронической коммуникации представляется объективно необходимым. Необходимость прагматической адаптации и границы ее использования должны быть проверены в дальнейших исследованиях, сочетающих прагмалингвистику, когнитивную лингвистику, переводоведение, функциональную стилистику, дискурс-анализ и лингвокогнитивный перевод.

Ключевые слова: перевод, поэтическая коммуникация, прагматическая адаптация, редукционизм, реципиент, холизм

АКТУАЛЬНОСТЬ ВЫЯВЛЕНИЯ СТАТУСА АДРЕСАТА В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современных переводе и переводоведении наметился постепенный переход на новый этап, который, по-видимому, является результатом развития антропоцентрической парадигмы в языкознании в целом. Междисциплинарный характер всего научного знания (и лингвистического — в первую очередь) на современном этапе его развития приводит не только к формированию самостоятельных дисциплин или разделов наук, но и к взаимопроникновению и слиянию новых областей знания со смежными и несмежными областями знания. В области языкознания, как части гуманитаристики, эти разнонаправленные процессы привели к автономизации отдельных «лингвистик» (юрислингвистики, медиалингвистики, интернет-лингвистики) и гибридации с несмежными областями (нейропсихолингвистики, этносоциolingвистики, лингвоэкологии/эколингвистики, антрополингвистики и т.д.). В новейшей научной периодике (последних 5—10 лет) обращает на себя внимание экспансия прагмалингвистики или лингвистической прагматики в новые сферы науки о языке. Объектом изучения прагмалингвистики становятся не только отношения между (преимущественно) лингвистическими знаками и их интерпретаторами. Успехи прагмалингвистики в области типологизации речевых стратегий и тактик, прогнозирования коммуникативных эффектов и предотвращения коммуникативных неудач постепенно начинают находить свое отражение в теории и практике перевода. Интеграция прагмалингвистики и переводоведения в условиях глобализации и межкультурной коммуникации объективно детерминирована и, по-видимому, неизбежна ввиду общности предмета исследования. Подтверждение этому мы видим в развитии новых теорий перевода, объединяющих в своих исследованиях методологию прагмалингвистики с классическими методами науки о переводе: теории полей перевода [1], индивидуализации перевода и переводной множественности [2; 3], попытках разностороннего анализа прагматических адаптаций в переводе.

Обращение к вопросу о статусе адресата в межъязыковой и межкультурной коммуникации и необходимости его прогностических оценок для успешного общения мы считаем необходимым звеном в цепи задач, направленных на эволюционирующее взаимодействие переводоведения и прагмалингвистики. Актуальность этой задачи определена двумя равноценными причинами: ее нерешенностью в современном языкознании и необходимостью ее исследования с различных позиций.

Отправной точкой исследования значимости фактора адресата в двуязычии может служить обобщение опыта предшествующих близких по тематике и объекту исследований в одноязычии [4; 5]. Эти исследования могут составить теоретические послышки к транспонированию (хотя и не прямой экстраполяции) их результатов в область переводческой науки. Бесспорно полезными оказываются также исследования, предпринятые в области сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, где представлен анализ различных переводческих трансформаций, их причин и следствий для процесса комму-

никации в различных коммуникативных условиях и сферах функционирования языка [6—10]. Такие работы могут представлять интерес как практическая верификация «адресатологии» в условиях двуязычия. Совокупность теоретических посылок и практических опытов, на наш взгляд, не может быть оценена лишь как косвенные подтверждения значимости исследуемой проблемы и ценности ее первых результатов для дальнейшего развития функциональной прагмалингвистики и улучшения практики межкультурной коммуникации в условиях коллективного диахронического перевода.

В настоящей статье первоочередное внимание направлено на диахронический аспект перевода, где объектом анализа служит фактор адресата.

Целесообразно обращение к эмпирическому материалу. Фактологическую базу работы составили переводы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина [11] на немецкий и английский языки, выполненные в разное время разными переводчиками: Ф. Боденштедтом в 1840—1850-х гг., Г. Спальдингом в 1881 г., К.Ф. Уолли 1904 г., Б. Дойч 1936 г. и в 1965 г., Д.П. Радин и Дж. Патриком в 1937 г., О. Элтона 1938 г., У. Арндтом 1963 г., В. Набоковым в 1964 г., Ю.М. Кейденом в 1964 г., Ч. Хелберн-Джонстоном в 1977 г., Дж.Э. Фаленом в 1990 г., Д.Р. Хофстадтер в 1999 г., Р.-Д. Кайлем в 1999 г., С. Митчеллом в 2008 г. и др.

Необходимо отметить, что и современного русскоязычного читателя от автора отделяет значительный временной отрезок: почти 200 лет, а это несколько поколений носителей языка, эволюционирующего вместе с человеком и культурой.

Гипотезой исследования служит предположение о необходимости учета меняющегося характера адресата, его когнитивных умений, коммуникативной компетенции и личностных свойств для достижения адекватности перевода в условиях диахронической коммуникации. Верификация гипотезы осуществляется путем использования интегративной методики, объединяющей дескриптивный, контекстуальный, сравнительный и дискурсивный анализы.

В традиционном лингвистическом переводоведении личностные характеристики всех участников коммуникации не являются компонентами лингвоэтнического барьера, однако переводческая практика свидетельствует о том, что они не могут быть исключены из акта общения [12. С. 13] опосредуются в лингвистических объектах. Так, В.В. Ощепкова подчеркивает влияние личностных характеристик коммуникантов на выбор «социогеографических» кельтицизмов, выделяя такие особенности коммуникантов, детерминирующих выбор того или иного синонима, как место рождения и проживания, общение с земляком или носителем иного варианта английского языка и т.п. [13. С. 52—56]. В работах Е.В. Сидорова подчеркивается значение личностей коммуникантов в двуязычном общении: «...одним из наиболее ярких свойств межкультурной коммуникации является различие в ценностях (ценностных установках), характерных для личностей, вступающих в межкультурную коммуникацию и реализующих в ней свою коммуникативную деятельность» [14. С. 166]. «Ситуация резкого расхождения ценностных миров коммуникантов особенно характерна для межкультурной коммуникации» [Там же. С. 171]. В работах А.Д. Швейцера заложена идея о необходимости

прагматической составляющей в переводе: «...если содержание исходного и конечного текста воспринимается по-разному их получателями, то из этого следует, что перевод как двуязычный коммуникативный акт не достиг своей цели» [15. С. 239].

Характер перевода как самоорганизующейся коммуникативной деятельности детерминирует трансцендентальность результата перевода, т.е. множественность переводческого решения при передаче смысла ИТ средствами ПЯ, перевербализации его в ПТ, поливариантность текстов перевода, обусловленных «неединичностью переводческого решения. Множество переменных величин, влияющих на результат перевода, а также широкие возможности перефразирования (контекстуальная синонимия) определяют неединичность переводческого решения. Иными словами, в рамках высказывания возможен не один, а несколько «правильных» вариантов перевода» [16. С. 172]. Поливариантность потенциально адекватных ПТ определяется многоаспектностью деятельности по межъязыковому посредничеству и поливариантностью объективных и субъективных факторов.

Идея о трансцендентальном характере перевода имплицитно присутствует в многочисленных работах отечественных и зарубежных переводоведов. В то же время следует отметить, что смена исследовательской парадигмы, состоявшаяся в других лингвистических науках и приведшая к становлению прагмалингвистики и лингвокогнитологии, в основе которых лежит обращение к личности коммуникантов и расширение понятия контекста, в переводоведении не нашла полного отражения¹. С одной стороны, это связано с множественностью и недостаточной разработанностью частной проблематики переводоведения (как молодой науки по сравнению с другими лингвистическими), с другой стороны, обусловлено большей сложностью объектов и предмета перевода в связи с диверсификацией коммуникации, в состав которой входит языковая и социокультурная антиномия.

Это обстоятельство вызывает некоторое недоумение, так как еще в работах Р.К. Миньяра-Белоручева представлена идея о различных типах информации и, следовательно, о наличии различных контекстов в двуязычной ситуации [12. С. 68—69]. Ранее, в работах М.М. Бахтина [17], отмечены такие свойства лингвистических объектов, приложимые к практике перевода и неполно объективированные переводоведением, как диалогичность, неповторимая индивидуальность, завершенная целостность, актуализированность и потенциальность.

О различных интерпретациях в рамках одноязычия писали многие языковеды и переводоведы [16. С. 31—32; 3. С. 33—34]. В двуязычии, несомненно, происходит многократное увеличение потенциальных прочтений смысла, смещение про-

¹ Как отмечает Е.В. Сидоров, «в психолингвистическую модель порождения высказывания на правах обязательного компонента включается механизм ориентирования в действительности. Однако остается практически незамеченным важное следствие, вытекающее из этого положения для понимания закономерностей онтологии речевой коммуникации и межкультурной коммуникации как ее осложненного частного случая. Дело в том, что важнейшим, если не самым важным объектом действительности для продуцента речи является индивид, к которому он обращает свое высказывание. <...> Как отмечал М.М. Бахтин, событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов... второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать [9. С. 191].

позиций, генерализации и компрессии или спецификации и избыточности, формируя переводную множественность и вызывая «переводную дисперсию».

Таким образом, двуязычное общение, с необходимостью включающее несколько стадий (или уровней, этапов) кодирования и декодирования информации, приводит к множественности смыслов внутри одного ИТ и появлению нескольких гипотетически адекватных ПТ. «Качество принимаемого прагматиком-переводчиком решения определяется несколькими одинаково важными критериями, часто входящими в противоречие и необязательно чисто филологическими, и поэтому задача перевода сводится к процедуре многоцелевой оптимизации. <...> Это говорит в нашем случае о том, что перевод имеет некоторое множество решений с потенциально неулучшаемыми показателями качества. Опытным переводчикам известно, что может быть несколько одинаково хороших переводов одного и того же текста. Каждый перевод обладает сильными и слабыми сторонами, и каждый перевод открыт для улучшения» [3. С. 78—79].

ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИАХРОНИИ

При избранном ракурсе исследования наиболее значимыми становятся следующие проблемы, осложняющие «освоение» читателями авторского текста:

- динамика языка, формирующая активный лексикон;
- интертекстуальность произведения, изобилующего аллюзиями на современный автору окружающий мир (реальный и литературно-художественный) и на более ранние исторические периоды (также фактические и поэтические).

Немаловажно для полноценного рассмотрения проблемы обратить внимание на то, что А.С. Пушкин дает комментарии разъясняющего характера к своему произведению для адекватного восприятия романа его современниками. Например, строки аллюзии на идиллию Гнедича *...когда прозрачно и светло ночное небо над Невою* [11. С. 203] сопровождаются комментарием «*читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича*» [Там же. С. 337] и воспроизведением значительного по объему фрагмента этого произведения.

Литературные аллюзии (в том числе самоаллюзии) в романе, как уже было отмечено выше, многочисленны; несомненно, это обогащение текста способно спровоцировать диссонанс в условиях протяженного временного континуума. Значимость многих современных А.С. Пушкину авторов, популярных тогда, со временем померкла (А.А. Шаховской, В.А. Озеров, Я.Б. Княжнин), знакомство с их произведениями современных читателей — скорее, редкость. Трудно ожидать, что нынешние читатели имеют достаточную степень когнитивного владения современным А.С. Пушкину литературным материалом для самостоятельной свободной интерпретации интертекста. Недостаточная дискурсивная компетентность предопределяет ошибки в ходе выполнения операций по декодированию смысла читателем:

- опознание фрагмента;
- соотнесение цитирующего текста (т.е. текста А.С. Пушкина) с первоисточником (фрагментом текста М.В. Ломоносова, Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского, Дж.Г. Байрона, Ф.Р. Шатобриана и др.);

— понимание прагматической задачи автора (восприятие подтекста);

— реализация перлокутивного акта, выражаемая как равенство коммуникативной реакции, заданной автором (обычно расцениваемое как мерило успешности перевода) или как отклонение от нее.

Оставляя за рамками статьи многочисленные вопросы о природе и неоспоримых трудностях поэтического перевода [18], при обращении к полифонии мнений о соотношении эквивалентности и адекватности перевода обнаруживаем главенство адекватности над эквивалентностью при межъязыковой и межкультурной передаче текстов художественной литературы (и особенно поэзии). В этом аспекте роман, ввиду его полноты и детализации жизнеописания России конца XVIII — начала XIX века, почти обречен на потери при переводе, «энциклопедия русской жизни» не может быть полноценно передана на иностранные языки в силу своей яркой национальной специфики. Вертикальный контекст [19] романа насыщен различными формами интертекста, основу которого составляют произведения русской литературы. В связи с этим представляется слишком оптимистичным ожидание от читателей перевода владения соответствующей фоновой информацией в таком объеме, который позволял бы реципиенту современной иноязычной культуры воспринимать шедевр в соответствии с ожиданием автора (как того требует представление об адекватности перевода). Подтверждением этому может служить тот факт, что в переводах на английский и немецкий языки не сохранились многие из авторских аллюзий, как и представленная выше:

*When midnight sky is limpid-light
Above the Neva's placid water* [20];

*Wie oft — wenn in der sommerhellen,
Durchsicht'gen Nacht, des Mondes bar,
Sich in der heitern Newa Wellen
Spiegelten leuchtend, weiß und klar
Die endlos hohen Himmelsräume —
Ging unser Flug ins Reich der Träume* [21].

При отсутствии дополнительного комментирования неизбежные затруднения у читателей вызывают распознавание интертекста и сравнение его с предшествующим литературным опытом.

Это закономерно даже для носителей русскоязычной культуры: детерминированный этим диссонанс может быть настолько глубок, что приведет к непониманию, т.е. коммуникативной неудаче:

с душою, полной сожалений,
и оперишися на гранит,
стоял задумчиво Евгений,
как описал себя **пиит** [11. С. 203].

В этом фрагменте ничто не указывает на конкретного автора и произведение, в связи с чем у реципиента может возникнуть ложное представление о том, что автор подразумевает некий обобщенный обезличенный образ пиита, а не реально

жившего поэта, своего современника М.Н. Муравьева. Такую коммуникативную неудачу мы идентифицируем как скрытый диссонанс, неявное искажение первоначальной прагматики ИТ.

В текстах перевода романа этот фрагмент не снабжен комментариями, поэтому можно с определенностью утверждать, что этот фрагмент содержания остается непознанным иноязычными читателями. Передача аллюзии посредством «нулевого перевода» или «опущения» детерминирована в рассматриваемом фрагменте разницей лингвокультурного опыта автора и переводчиков: переводчики, являясь носителями иного языка и культуры, незнакомы с историей русской литературы в той мере, которая могла бы обеспечить полное понимание интертекстуальных связей романа с предшествующим поэтическим наследием. Получатели ПТ на английском и немецком языках не имеют возможности опознать интертекст, так как избранные переводчиками средства вербализации не оставляют намека на наличие скрытого смысла: в немалой степени этому способствуют лексико-грамматические особенности английского и немецкого языков перевода, где артикли и функционально близкие местоимения отражают сему неопределенности. В данном фрагменте выбор переводческого решения приводит к стиранию аллюзии и искажает авторскую интенцию:

*Filled with his heart's regrets, and leaning
Against the rampart's granite shelf,
Eugene stood lost in pensive dreaming
(As **once some poet** drew himself) [20].*

*Dann stand Eugen, sich heimlich sehnd,
Gedankenvoll, elegisch trüb
Und schweigsam am Granitbord lehnend,
Wie **ein Poet** sich **einst** beschrieb [21].*

Трансляция культурного наследия через значительный временной интервал осложнена сменой культурных стереотипов и динамикой общественной жизни, вносящей коррективы в мировосприятие новых поколений сограждан:

*Я слышал: дам хотят заставить
читать по-русски. Право, страх!
Могут ли их себе представить
с «Благонамеренным» в руках [11. С. 234].*

Здесь диссонанс очевиден. Узнавание в объекте аллюзии печатного издания (журнала) не вызывает сомнений. Однако современный читатель должен быть крайне удивлен тому импульсивному и близкому к паническому страху, который испытывает автор перед обращением дам к периодике (так как в современном обществе существует целая сеть гендерно ориентированных «женских» журналов; справедливости ради следует заметить, что общественного резонанса в эпоху гендерной политкорректности и унисекса не вызывают и дамы, читающие «Forbes», «Men's healths», «Драйв» и другие «неженские» журналы). А.С. Пушкин поясняет читателям свое отношение к этому изданию в авторском комментарии: «Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым, довольно неисправно.

Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках гулял» [Там же. С. 338]. Ирония между названием журнала, печатной политикой и поведением самого издателя раскрывается в комментарии.

Для адекватного восприятия этого фрагмента требуется владение фоновой информацией (знание статуса французского языка в дворянском обществе конца XVIII — начала XIX вв.) и полнотекстовая передача авторского комментария к роману. Эти меры позволили бы компенсировать значительные расхождения преинформационного запаса читателей оригинального произведения и перевода, однако мы не обнаруживаем их реализации в переводе на английский и немецкий языки:

*Some would that ladies be required
To read in Russian. Dread command!
Why, I can picture them inspired,
The **Good Samaritan** in hand!* [20]

*Ich weiß, daß man zum Russischlesen
Die Damen drängt. O Unverstand!
Man denke sich ein holdes Wesen,
Den "**Wohlgesinnten**" in der Hand!* [21]

В результате этого ирония автора остается нераспознанной, а равенство коммуникативного эффекта, оказываемого аутентичным произведением на носителей русского языка и культуры и переводом на иноязычных и инокультурных читателей. Эмпирический материал свидетельствует о том, что проблема интертекста в межъязыковой и межкультурной коммуникации в аспекте диахронии вызывает затруднения на всех этапах: на этапе восприятия текста оригинала переводчиком, на этапе его перевода, на этапе интерпретации перевода читателем. Эта множественность участников и уровней кодирования и декодирования информации еще более усложняется в условиях поэтической коммуникации, обладающей собственными субстанциональными особенностями (ритм, рифма, метрика).

Однако аллюзивностью проблемы трансхронического понимания авторского текста не исчерпываются. Динамика языка (особенно его лексико-фразеологического уровня) является самостоятельной проблемой, способной вызвать различного рода потери понимания (вплоть до полного семантического искажения).

Понимание судьбы графини Лариной, которая после некоторого времени замужества *вела расходы, брила лбы* [11. С. 220], может быть осложнено из-за использования в тексте архаичного фразеологизма. Стремление графини к овладению парикмахерским искусством как форме досуга вызвало бы закономерное удивление у современной молодежи. Неготовность усмотреть в выражении *брить лбы* фразеологизированный историзм влечет тотальное искажение ИТ.

До некоторой степени здесь сказывается и социокультурологическая нетождественность русскоязычных читателей: современных А.С. Пушкину и нынешних. Перевороты, войны, влияние тоталитарного режима, отказ от христианского мировоззрения, изменение системы образования, утрата национально-культурных традиций, затем попытки их почти насильственной реставрации в массовом сознании и т.д. — все эти и положительные и отрицательные процессы приводят к сме-

щению общего фонового знания читателей начала XXI века относительно современных роману координат.

Адресаты, наследующие культуру, могут испытывать некоторые затруднения в идентификации реалий: *подблюдны песни, в день Троицын... умильно на пучок зари они роняли слезки три* [Там же. С. 221], в толковании фразеологизмов: *езжала по работам* ≠ выполняла работу, состояла на службе, *мух давил* ≠ был инсектофобом, в некоторых объективированных в тексте общественных традициях: *Явились вместе, и никто не вздумал им пенять на то* [Там же. С. 246].

В ходе анализа эмпирического материала обнаружены эксплицитные переводческие ошибки, свидетельствующие о непонимании переводчиком отмеченных стилистических средств воссоздания исторического и национального колорита, представленных в исходном тексте. Здесь важно отметить, что в поэтической коммуникации переводчик не ограничивается трансляцией текста, но берет на себя также миссию передачи культурно-исторического колорита оригинального произведения [22. С. 129—132]. Культурологический аспект работы переводчика часто незаслуженно оказывается на периферии межъязыкового посредничества, а в текстах, насыщенных маркерами исторического и этнокультурного опыта и аллюзиями на культуру и литературный багаж определенной нации, он должен составлять центр внимания переводчика. Успех межнациональной коммуникации, опосредованной переводом, невозможен без точной передачи особенностей мировосприятия иной культуры.

Для передачи архаичных фразеологизмов переводчики ограничились использованием субститутивного подхода, реализованного замещением соответствующего сегмента оригинального текста словарными эквивалентами языка перевода. Однако этот подход неприемлем для фразеологем-культурем. Полученный результат не соответствует требованиям, предъявляемым к переводу. Отмечены и опущения отдельных фрагментов национальной и исторически маркированной лексики.

Реалия *подблюдны песни*, как элемент русской лингвокультуры, не имеет аналогов в реципирующих культурах, поэтому при переводе на немецкий язык она изъята из текста, не передана или передана нулевым переводом:

*Sie hielten sich im schlichten Rahmen
Altbiederer Art behaglich frisch;
Stets in der Fastnachtswoche kamen
Die fetten Plinsen auf den Tisch,
Und zweimal jährlich ging man beichten.
Der Mummenschanz und Christmarkt
reichten Zu ihrer Kurzweil völlig aus* [21],

а при переводе на английский она замещена функциональным аналогом с существенной генерализацией

*At Shrovetide feasts their table flourished
With Russian pancakes, Russian cheer;
Twice yearly too they did their fasting;
Were fond of songs for fortune-casting,
Of choral dances, garden swings...* [20]

Удивительной представляется передача фразеологизма *брила лбы* субституцией. Свободные словосочетания немецкого языка (*schor Köpfe* [21]) и английского языка (*she shaved the shirkers* [20]) не являются эквивалентами соответствующей единицы романа, искажают ее семантику, не отражают ее национального и исторического колорита. В данном фрагменте коммуникативная задача переводчиками не выполнена. Избранный прием передачи создает у иноязычных читателей ложное представление об исторических реалиях изображаемой в романе эпохи и о стилистике автора.

Не менее странным и неудачным перевод фразеологизма *мух давил*. В английской версии находим субституцию *squashed flies* [20], а в немецкой субституцию с искажением авторской интенции:

*Wo vierzig Jahr' lang frommbeseelt
Der Dorfgreis Fliegen totgeschlagen
Und mit der Magd herumkrakeelt* [21].

Некоторая попытка оправдания поведения *деревенского старожилы* путем введения лексем более высокой эмоционально-стилистической окраски (*frommbeseelt u Greis*); по-видимому, эти меры предприняты переводчиком из стремления к эвфемии, которая, тем не менее, мало сочетается с описываемым действием «уничтожения насекомых». Здесь очевидна проблема понимания содержания исходного текста самими переводчиками, не обнаруживающими достаточного знания русской фразеологии и понимающими идиому *мух давить* как свободное словосочетание, без семантического переосмысления компонентов, в результате которого сформировано значение *выпивать*. Верное толкование первоисточника переводчиками позволило бы избежать столь явной ошибки и столь существенного искажения оригинального текста. На втором этапе коммуникации возникает проблема восприятия и неверной интерпретации переводчиком, затем неверное кодирование средствами языка перевода (соответственно, английского и немецкого) обуславливает неверную интерпретацию читателем. Таким образом, ошибка переводчика не оставляет возможности читателю на восприятие, адекватное задуманному автором произведению.

Остается лишь предполагать, каким оказывается восприятие такой искаженной картины мира русской жизни у зарубежных читателей.

НЕОБХОДИМОСТЬ ХОЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЕ

Очевидно, выявленные особенности и сложности в одноязычной диахронической коммуникации приобретают лавинообразный синергийный (самоорганизующийся) характер при переходе к двуязычной коммуникации, обремененной не только языковыми, но и культурными различиями. Небезосновательно в связи с этим прогнозировать многочисленные осложнения коммуникации при знакомстве современных иноязычных и инокультурных читателей с текстом романа.

Это служит достаточным основанием для предъявления особых требований к языковым посредникам, транслирующим русскую классику для современных

зарубежных читателей. С их стороны необходимы осознанные значительные усилия компенсации языковых и культурных различий, учет мировоззренческой позиции, геополитической компетентности (пророссийских и антироссийских настроений), религиозной принадлежности (атеистической модели, приверженности христианской, мусульманской, буддистской и т.д. традиции, веротерпимости или ксенофобии), возраста и иных характеристик предполагаемых получателей ПТ. Конечно, призывать к прагматической адаптации до искажения авторского текста (как это имело место в экранизации «Ромео и Джульетты» В. Шекспира в 1996 г.), нелепо [23]. Однако настаивать на обилии комментариев необходимо, поскольку это, по-видимому, единственный рационально возможный способ решения этой сложной коммуникативной задачи.

Например, сочетание языческих и христианских традиций, не вызывающее лишних вопросов у носителей русскоязычной культуры, может быть неверно истолковано как возвращение от христианства к архаичным формам религии при обращении к следующим фрагментам, указывающим на дохристианскую славянскую культуру (спорадически сохранившимся после принятия православия): подробное описание крещенских гаданий (которому вкупе с описанием сна Татьяны и попытками его толкования посвящено 20 стихов романа) или обрядовый плач, предшествующий венчанию: *мне с плачем косу расплели да с пенем в церковь повели* [11. С. 231]:

*I got so scared... my tears kept falling;
And **weeping**, they undid my plait,
Then **sang me** to the churchyard gate [20].*

*Und ich bekam vor Schreck das Heulen.
Mit **Tränen** löste man mein Haar,
Und mit **Gesang** ging's zum Altar [21].*

Невозможно также не принимать во внимание, что наибольшую степень сложности в области перевода представляет собой именно поэтическая коммуникация, где требования метра и рифмы также в немалой степени детерминируют множественные искажения авторского ИТ при его межъязыковой трансляции, многократно отмеченные в отечественной критике перевода.

Поэтический знак, обладающий синкретичной природой, в условиях транскрипционной, межъязыковой и межкультурной передачи создает особое семантическое пространство авторской картины мира, проникнуть в которую реципиенту оказывается тем сложнее, чем больший временной и культурный разрыв отделяет его от автора. Объективным и закономерным следствием этих особенностей поэтической межъязыковой коммуникации является расхождение концептуального и тематического содержания знания реципиента и автора.

Отмеченные факторы взаимодействуют в сложноорганизованной системе, которую невозможно полноценно познать и описать в рамках редуцированной парадигмы лингвистического переводоведения. Здесь необходимы интегративные методологические принципы: необходимо обратиться к опыту смежных гуманитарных наук, использующих в качестве методологического ядра холизм, полу-

чивший некоторое признание в лингвистической сфере, главным образом в общем и частном языкознании [24; 25], но также и проникающий в область теории перевода [26—29].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая представленный анализ диахронии перевода в аспекте проблем, связанных с адресатом поэтической коммуникации, можно резюмировать некоторые выявленные совокупные особенности (эмпирического характера).

1. Основной языковой проблемой является динамика языка, особенно его лексико-фразеологической составляющей, предопределяющей различное понимание оригинального текста адресатами-современниками произведения и адресатами-наследниками в отношении исторически маркированной лексики (реалий, историзмов, архаизмов), фразеологизмов, интертекстуальной информации.

2. Вторичной (в диахроническом аспекте, но константной) проблемой выступает расхождение систем, норм и узусов ИЯ и ПЯ и передача идиостиля произведения в межъязыковом пространстве.

3. Культурологические трудности временной трансляции составляют социокультурные смещения, находящие отражение в изменчивости массового сознания носителей исходного языка и нетождественности общего культурного фона носителей языка перевода и принимающей культуры. Удаление маркеров инокультурности текста или их подмена «родными» для читателя перевода фактами и атрибутами культуры влечет за собой утрату своеобразия аутентичным текстом и искажение колорита произведения, что наносит ущерб автору литературного произведения и ущемляет интересы читателя.

4. Обзор ошибок передачи национального и исторического колорита в поэтическом произведении национальной художественной литературы обнаруживает, что выявленные ошибки затрагивают не только область ответственности отдельных переводчиков, но и бросают тень на издательский коллектив, а в восприятии читателей транспонируются (незаслуженно) с переводной версии на аутентичные произведения и самого автора оригинала. Так, ошибки перевода (в широком смысле) отражаются негативно на межкультурной коммуникации, интересе читательской аудитории к иноязычному автору и его произведениям, а также на восприятии иноязычной культуры в целом.

5. Все вышеозначенные обстоятельства требуют вмешательства теоретиков перевода и повышения контроля качества переводов. Читателям же остается надеяться на самосовершенствование межъязыковых и межкультурных посредников, а также на рост этики [30] в среде переводчиков и издательских коллективов.

Обобщение полученного эмпирического материала приводит к выводу о закономерности переводной множественности в области трансхронической передачи культурного наследия на иностранные языки и трансцендентальности поиска адекватных средств межкультурной передачи поэтических произведений. Синергичный характер фактора адресата в диахронии перевода детерминирует гипотезу о дальнейшем использовании прагматических адаптаций для оптимизации межъ-

языковой, межкультурной и межвременной передачи поэтического текста с учетом прогноза (когнитивной компетентности, национальной, возрастной и социальной принадлежности) реципиентов ПТ. Вопрос об онтологической необходимости прагматической адаптации и о границах ее аппроксимирующего значения предстоит верифицировать в дальнейших исследованиях, на междисциплинарной основе объединяющих прагмалингвистику, когнитивную лингвистику, переводоведение, функциональную стилистику, лингвокогнитологию перевода. Вскрытая антиномия прагматической адаптации перевода и переводческого редукционизма в рамках лингвистической парадигмы переводоведения не может получить однозначного разрешения без обращения к методологии холизма.

© Филиппова И.Н., 2018

Дата поступления: 12.12.2018

Дата приема в печать: 15.02.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кушнина Л.В., Силантьева М.С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 71—75.
2. Ершова Е.А., Музыченко Е.Я., Чайковский Р.Р. Художественный перевод и межкультурная диверсификация смысла (на материале переводов «Дуинских элегий» Р.М. Рильке на английский, русский и украинский языки) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2011. Т. 15. № 15. С. 8—10.
3. Ярцев Ю.А. Искусство и практика перевода. Иное видение при переводе технических текстов с русского на английский. Диверсификация приемов перевода. Таблица и примеры. СПб.: ИД «Петрополис», 2010.
4. Белозерова Н.Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы? Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010.
5. Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 171—178.
6. Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р. Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 147—156.
7. Максименко О.И. Мультикультурная среда: сложности понимания // Язык и культура в современном мире. 2014. С. 131—135.
8. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: Наука, 2006.
9. Сидоров Е.В. Опережающее понимание в межкультурной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2009. № 4. С. 190—195.
10. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Обновление переводов Священного Писания: причины и следствия // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2012. № 4. С. 51—54.
11. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2.
12. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999.
13. Абрамова Е.И., Ощепкова В.В. Особенности функционирования кельтицизмов, характеризующих природные объекты, в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. № 6. С. 52—56.

14. Сидоров Е.В., Сидорова Н.А. Базовая структура аксиологического измерения речевой коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2009. № 6. С. 166—172.
15. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
16. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.
17. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
18. Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан, 1997.
19. Ахманова О.С., Губбенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47—54.
20. Pushkin A.S. Evgenij Onegin. URL: <http://originalbook.ru/eugene-onegin-by-a-pushkin-english-evgenij-onegin-a-s-pushkin/>.
21. Puschkin A.S. Eugen Onegin. URL: <http://originalbook.ru/eugen-onegin-a-s-puschkin-deutsch-evgenij-onegin-a-s-pushkin/>.
22. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычии и двуязычии: вопросы теории, практики, методологии, лингводидактики. М.: МГОУ, 2014.
23. Максименко О.И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 2. С. 111—116
24. Максименко О.И. Формализованная лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013.
25. Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики. М.: Изд-во МГИМО(У) МИД РФ, 2015.
26. Кушнина Л.В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 81—86.
27. Филиппова И.Н. Лингвистическая объективация холизма // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. С. 14.
28. Филиппова И.Н. Трансцендентальный характер перевода // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12025> (дата обращения: 23.05.2019).
29. Филиппова И.Н. Прагмалингвистические основания теории и практики перевода // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20888> (дата обращения: 23.05.2019).
30. Чайковский Р.Р. Этика художественного перевода в аспекте поликультурности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 15 (675). С. 229—243.

УДК 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-435-450

RECIPIENT FACTOR IN POETIC TRANSLATION DIACHRONY

I.N. Filippova

Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy Str., Mytishchi, Russia, 141014

Abstract. The paper's aim is to analyze transchronical interlingual and intercultural poetic communication. Special attention is paid to the recipient, his significance in diachronic translation is investigated. Linguistic and cultural aspects of poetic communication are analyzed: realities, historicisms, archaisms, phraseological units, allusions. The recipient factor is actively studied in pragmalinguistics, which finds

common ground with translation studies and the theory of intercultural communication. The research is based on the integrative method: descriptive, contextual, comparative and discursive analysis are used. The paper reveals the synergetic nature of the recipient, unique on age, gender, worldview, political and cultural characteristics; cognitive dissonance of the author and the recipient in monolingual and in inter-language communication are revealed. The actual basis is the novel in verse Pushkin “Eugene Onegin”, written almost 200 years ago and numerous translations made at different times (1840—2008). The studied empirical material leads to the following conclusions. The translation multiplicity in transchronical transfer of cultural heritage to foreign languages is natural and unavoidable. The search for adequate means of intercultural translation of poetry is transcendental in nature. The syncretic nature of the poetic sign in diachrony strengthens the discrepancy between the recipient's and the author's conceptual and thematic knowledge content. This is particularly evident in terms of the transchronic communication when the author and recipient are separated by a significant time interval. The source language recipients and the target language recipients have objective sociocultural differences which are more evident in trans-temporal interlingual communication. The above-mentioned factors interact in the complex synergistic system that is impossible to cognize and to describe in a reductive linguistic theory of translation. On the basis of insufficiency of the reductionism of the linguistic translation, can be expected the transition to the methodology of holism translation. Holism as a methodological principle and philosophy of knowledge has found effective application in the Humanities. Its use in translation in cross-cultural, cross-language and TRANS chronic communication appear to be objectively necessary. The need for pragmatic adaptation and the borders of its approximate values is to be verified in further studies, combining pragmalinguistics, cognitive linguistics, translation studies, functional stylistics, discourse analysis and linguocognitive translation.

Key words: translation, poetic communication, pragmatic adaptation, reductionism, recipient, holism

REFERENCES

1. Kushnina, L.V. & Silantieva, M.S. (2010). Translator's linguistic identity in light of theory of translation space. *Perm University Herald. Russian and foreign Philology*, 6(12), 71—75. (In Russ.).
2. Ershova, E.A., Muzychenko, E.Ya. & Chaykovsky, R.R. (2011). Literary translation and cross-language diversification of meaning. *Bulletin of the North-Eastern State University*, 15, 8—10. (In Russ.).
3. Yartsev, Yu. A. (2010). Art and practice of translation. Different vision when translating technical texts from Russian into English. Diversification of translation techniques. Saint Petersburg: ID “Petropolis”. (In Russ.).
4. Belozerova, N.N. (2010). The real world and the virtual world: two ecological systems? Tyumen. (In Russ.).
5. Sternin, I.A. (2004). Adresse's Factor in Speech Influence. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1, 171—178. (In Russ.).
6. Lysenkova, E.L. & Tchaikovsky, R.R. (2012). Literary translation in the context of space and time. *Vestnik of Irkutsk State Linguistic University*, 2 (18), 147—156. (In Russ.).
7. Maksimenko, O.I. (2014). Multicultural Environment: the Complexity of Understanding. In *Language and Culture in Modern World*. Moscow. pp. 131—135 (In Russ.).
8. Nelyubin, L.L. & Khukhuni, G.T. (2006). Translation Science (History and Theory from Ancient Times to the Present Day). Moscow: Flinta: Science.
9. Sidorov, E.V. (2009). Advance Understanding in Cross-cultural Communication. *Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistic University*, 4, 190—195. (In Russ.).
10. Khukhuni, G.T. & Osipova, A.A. (2012). The “Renovations” of the Translations of the Holy Writ: Motives and Consequences. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 4, 51—54. (In Russ.).
11. Pushkin, A.S. (1986). Works: in 3 vols. V. 2: Poems; Eugene Onegin; Dramatic works. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.).
12. Minyar-Beloruchev, R.K. (1999). How to become a translator? Moscow: Gothic. (In Russ.).

13. Abramova, E.I. & Oschepkova, V.V. (2013). Peculiarities of Functioning of Celticism which Characterize Objects of Natural in English. *Bulletin of the Moscow State Regional University: Linguistics*, 6, 52—56. (In Russ.).
14. Sidorov, E.V. & Sidorova, N.A. (2009). Basic structure of axiological measurement of speech communication. *Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistic University*, 6, 166—172. (In Russ.).
15. Schweitzer, A.D. (1973). Translation and linguistics. Moscow: Voenizdat. (In Russ.).
16. Nelyubin, L.L. (2003). Explanatory dictionary of translatology. Moscow: Flinta: Science. (In Russ.).
17. Bakhtin, M.M. (1979). Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art. (In Russ.).
18. Chaykovskiy, R.R. (1997). Reality of poetic translation (typological and sociological aspects. Magadan. (In Russ.).
19. Akhmanova, O.S. & Gyubbenet, I.V. (1977). “Vertical context” as a linguistic problem. *Topics in the Study of Language*, 3, 47—54. (In Russ.).
20. Pushkin, A.S. Evgenij Onegin. URL: <http://originalbook.ru/eugene-onegin-by-a-pushkin-english-evgenij-onegin-a-s-pushkin/>. (In English.).
21. Puschkin, A.S. Eugen Onegin. URL: <http://originalbook.ru/eugen-onegin-a-s-puschkin-deutsch-evgenij-onegin-a-s-pushkin/> (In German).
22. Filippova, I.N. (2014). Redundancy and shortage in monolingualism and bilingualism: theory, practice, methodology, linguodidactics. Moscow: MGOU. (In Russ.).
23. Maksimenko, O.I. (2016). Bells Letters Adaptation: from the Novel to the Comic. *Bulletin of Moscow State Regional University: Linguistics*, 2, 111—116 (In Russ.).
24. Maksimenko, O.I. (2013). Formal linguistics. Moscow: MGOU. (In Russ.).
25. Ponomarenko, E.V. (2015). Bases of functional lingvosinergetik. Moscow: MGIMO. (In Russ.).
26. Kushnina, L.V. (2011). Translation as a synergetic system. *Perm University Herald. Russian and foreign Philology*, 3 (15), 81—86. (In Russ.).
27. Filippova, I.N. (2013). Linguistic objectification in holism. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 4, 14. (In Russ.).
28. Filippova, I.N. (2014). Translation’s transcendence character. *Modern problems of science and education*, 2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12025> (дата обращения: 23.06.2019). (In Russ.).
29. Filippova, I.N. (2015). Pragmalinguistic cause of translation and translatology. *Modern problems of science and education*, 2-1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20888> (accessed: 23.05.2019). (In Russ.).
30. Chaykovskiy, R.R. (2013). The ethic of literary translation in a multicultural environment. *Vestnik Moscow State Linguistic University*, 675, 229—243.

Для цитирования:

Филиппова И.Н. Фактор адресата в диахронии поэтического перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 435—450. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-435-450.

For citation:

Filippova, I.N. (2019). Recipient factor in poetic translation diachrony. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 435—450. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-435-450.

Сведения об авторе:

Филиппова Ирина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета; e-mail: inf.perevod@gmail.com

Information about the author:

Filippova Irina Nikolaevna, Doctor of Philology, assistant professor at the Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow Region State University; e-mail: inf.perevod@gmail.com